

DOI: 10.17976/jpps/2017.04.10

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЛОВУШКИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Л.Е. Гринин

ГРИНИН Леонид Ефимович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, главный научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации ВШЭ, Волгоград. Для связи с автором: leonid.grinin@gmail.com

Гринин Л.Е. Русская революция и ловушки модернизации. – Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 138-155. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.10>

Статья поступила в редакцию: 03.04.2017. Принята к печати: 03.05.2017

Аннотация. Русская революция круто изменила историю нашей страны, да и мира в целом. Вокруг причин, ее породивших, существует великое множество теорий и мнений. С одной стороны, ее невозможно понять вне особенностей социально-исторического развития российского общества и конкретных исторических обстоятельств. С другой – революциями с Нового времени “переболели” многие страны. Автор анализирует русскую революцию в связи с тенденциями всемирно-исторического процесса, выделяет некоторые общие причины революций и показывает, как эти причины преломились в нашей истории; сопоставляя русскую революцию с другими крупными революциями, как в плане сходства, так и особенностей. Это дает возможность ответить на вопросы: была ли русская революция неизбежной; были ли неизбежны столь радикальные социальные преобразования, которые имели место в первый период советской истории, или нет? Центральная тема настоящей работы – соотношение революции и модернизации, тех взаимосвязей, опасностей и ловушек, которые возникают вследствие ускоренного развития общества и могут вести к революциям. Начиная с Нового времени в основе революций в большинстве случаев лежат серьезные диспропорции в развитии общества, которые появились в результате ускоренной модернизации. Эти диспропорции усиливаются быстрым ростом населения, особенно резким увеличением доли горожан в его структуре. В статье показывается, как и почему революции происходят в период после некоторого (порой длительного) повышения уровня жизни населения и роста завышенных ожиданий, а также почему революции возможны именно в экономически успешных обществах, каким была предреволюционная Россия. Делается вывод, что революции на том или ином этапе модернизации – скорее закономерность, чем случайность. Автор рассматривает механизм, в результате которого общество попадет в ловушки особого рода – модернизационные. Если мальтузианская ловушка связана с отставанием производительных сил от темпов роста населения и в целом недостаточным динамизмом изменений, то модернизационная ловушка, напротив – с чрезмерно быстрыми изменениями, за которыми ряд важнейших отношений и институтов общества не поспевает. В России сложился особый тип модернизационной ловушки – мальтузианско-марксова ловушка.

Ключевые слова: модернизация; революция; русская революция; политический режим; демократия; кризис; завышенные ожидания; депривация; “молодежный бугор”; мальтузианская ловушка; модернизационная ловушка; мальтузианско-марксова ловушка; исторический процесс.

Споры и идеологические страсти вокруг революции в феврале – октябре 1917 г. и в целом русских революций начала XX в. не стихают. Это неудивительно, так как эти события круто изменили историю нашей страны, да и мира в целом,

поскольку в России после октября 1917 г. пошли намного дальше других революционеров, уничтожив не только частную собственность полностью (и заодно и частных собственников), но и трудовую крестьянскую собственность.

В связи с тем, что русские революции тесно связаны между собой и во многом имеют одни и те же причины, в настоящей работе все они будут обозначаться в единственном числе как *русская революция*. Мы не будем вдаваться в детальный анализ и оценку причин революции и тем более точек зрения на проблему¹, а попробуем рассмотреть русскую революцию в связи с общими тенденциями исторического процесса, выделить некоторые общие причины революций и показать, как эти причины преломились в нашей истории.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СРЕДИ ДРУГИХ РЕВОЛЮЦИЙ. МЕТОДОЛОГИЯ

Являясь знаковым явлением социально-политических трансформаций Нового времени, революции и сегодня остаются в арсенале методов социально-политических проблем. С точки зрения всемирно-исторического процесса революции – это не случайность, а закономерность, причем закономерность определенного этапа развития общества. И если поставить русские революции в общий ряд революций как определенной ступени развития общества, как особого кризиса в период бурного роста общества, многие их аспекты приобретут иные черты и оценки.

Опираясь на работы целого ряда исследователей, которые объясняют революции не как случайности, а как закономерный результат сложного развития, мы сформулировали положения, описывающие некоторые важные причины и факторы, способствующие их возникновению. Эти формулировки дают методологические возможности, позволяющие использовать их в качестве определенного плана исследования и аналитического инструмента. Данные положения будут развернуты и аргументированы, будет показано, что они способны объяснить важные особенности русской революции. Перечислим кратко эти причины и факторы:

- 1) тесная связь революции и модернизации, т.е. революцию можно рассматривать как результат резких перемен в процессе развития;
- 2) быстрые демографические изменения, тесно связанные с модернизацией, создающие дополнительные условия для возникновения революции, в том числе путем увеличения доли молодежи в составе населения;
- 3) урбанизация и, как следствие, рост численности и образованности городских слоев, создающие социальную базу для революции;
- 4) завышенные ожидания и депривация социальных слоев, играющие важную роль в нарастании социального недовольства;
- 5) появление новой идеологии (идеологий), которая способна объединить недовольных;
- 6) ослабление элиты и ее сплоченности, ее неспособность противостоять кризисным ситуациям.

Автор ставит своей задачей проанализировать ряд ведущих причин и черт русской революции на основе тех выводов, которые были сделаны исследователями революций, а также собственных авторских подходов, что позволит увидеть определенные сходства русской революции с другими крупными революциями и оттенить некоторые ее особенности. Это позволяет сделать

¹ Частично это было сделано нами в [О причинах Русской революции... 2010]. Обзор дефиниций, типологий и волн революций см. [Гринин, Исаев, Коротаев 2016].

вывод, была ли русская революция неизбежной; были ли неизбежны столь радикальные социальные преобразования, которые имели место в первый период советской истории, или нет.

Основными проблемами, которым будет посвящено последующее изложение, являются: соотношение революции и модернизации, а также взаимосвязи, опасности и ловушки, которые возникают при ускоренном развитии общества.

РЕВОЛЮЦИИ КАК СЛЕДСТВИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Диспропорции модернизации как причина нестабильности и революций.

Хотя понятие модернизации многозначно, а потому точное его определение вызывает споры, в целом смысл этого понятия более или менее очевиден. Модернизация рассматривается главным образом как процесс перехода того или иного общества от сверхсложного аграрно-ремесленного общества к индустриальному [Хантингтон 2004; Побережников 2006; Травин, Маргания 2004; Нефедов 2007; Яковлев 2010; Гринин 2013].

Этот процесс связан с ускоренным развитием общества и обычно включает в себя в комплексе:

- развитие товарного сектора и денежного обращения;
- развитие промышленности;
- урбанизацию;
- развитие системы образования, рост общей и санитарно-медицинской культуры;
- существенные изменения в демографической модели развития (так наз. первая и вторая фазы демографического перехода);

– политико-правовые изменения, *которым, однако, политическая элита особенно часто и упорно сопротивляется, что является одной из важнейших причин модернизационных кризисов.*

Модернизация – исключительно сложная и длительная полоса. Она имеет в каждом обществе свои значительные особенности. Процесс модернизации не был ни гладким, ни легким в большинстве стран. “Модернизованность порождает стабильность, но сам процесс модернизации порождает нестабильность” [Хантингтон 2004: 59]. Таким образом, только пройдя период модернизации, общество обретает устойчивость к определенному рода кризисам (хотя, разумеется, не навсегда). Но на этом пути его подстерегают опасности модернизационной ловушки.

В основе глубинных причин революций в большинстве случаев лежат серьезные диспропорции в развитии общества, которые появились в результате ускоренной модернизации. Модернизация разрывает ткань традиционного общества, что влечет за собой крупные изменения и порой весьма тяжелые последствия для целых социальных слоев, а также усиливает конфликтность в обществе. Модернизация порождает новые идеи, идеологии (либерализм, демократизм, социализм, национализм и т.п.) и потребности, которые вступают в конфликт с устоявшимся порядком и традициями.

Эти диспропорции усиливаются быстрым ростом населения, особенно процессом урбанизации. Последний ведет к резкому увеличению доли горожан в структуре населения, что часто вызывает социальное напряжение.

Влияние модернизации на уровень жизни и ожидания населения и его отдельных слоев. Модернизация в начальные периоды может вести к тому, что уровень жизни определенных слоев населения понижается. Классическим примером

служит история с ткачами-ремесленниками в Англии, заработки которых в связи с развитием механизации стали снижаться. В итоге в 1830-1840-е годы многие из них впали в бедность и разорились. На ранних стадиях индустриализации в Англии и в ряде других стран механизация также вела к снижению зарплат рабочих-мужчин, поскольку их могли заменить женщины и дети, которым можно было платить существенно меньше. Все это вызывало социальное напряжение. Однако в целом модернизация ведет к росту уровня жизни общества. Так, Дж. Дэйвис [Davies 1962; 1969], С. Хантингтон [2004] и другие исследователи показали, что революциям обычно предшествует рост качества жизни. Рост качества жизни — заслуга модернизации, но при этом она могла усиливать неравенство либо создавать новые линии неравенства, к которым люди еще не привыкли и которые вызывают особое недовольство. В частности, П. Сорокин указывал, что одна из причин большей революционности города (по сравнению с деревней) — слишком осязаемое неравенство состояний и условий в городе, которое постоянно стоит перед глазами рабочих [Сорокин 1992: 287].

В связи с тем, что в период модернизации общества могут развиваться в ускоренном (по сравнению с прежним темпом) режиме, возникают не только деформации в социальном развитии, но и деформации в уровне ожиданий. При этом обычно уровень ожиданий выше возможностей в существующих условиях производительности и системы социального распределения. В процессе модернизации начинают изменяться границы между социальными слоями, со сменой социального контекста и роста информированности люди гораздо активнее сравнивают свое положение с уровнем жизни других, повышая психологическую планку минимально необходимого. Деньги начинают играть роль мерила социального успеха, что дополнительно деформирует прежние представления.

141

Повышенный, но неудовлетворенный уровень ожиданий вызывает чувство дискомфорта, стремление переложить ответственность за свои трудности на правительство и высшие классы, желания изменить социальный строй, сделать его более справедливым (по мнению тех или иных слоев и индивидов), что создает питательную среду для революционной агитации. Сторонники теории депривации, восходящей к Дж. Дэйвису [Davies 1962; 1969] и Т. Р. Гурру [Gurr 1968; см. также: Gurr 1974; 2015], считают, что революция (а также восстание и гражданская война) могут быть вызваны тем, что ожидания, которые провоцирует модернизация, не удовлетворяются, и это порой заставляет людей выходить на улицы, чтобы добиваться улучшения условий жизни. Возникновение социального кризиса тем более вероятно, если в какой-то момент уже достигнутый уровень удовлетворения потребностей несколько снижается — что часто происходит в результате роста цен, экономических кризисов, неудачных войн (случай России) или других негативных событий², — а ожидания продолжают по инерции расти (особенно подхлестываемые агитаторами). Возникает депривация, т.е. состояние существенной неудовлетворенности человека ситуацией в результате лишения его тех условий жизни, к которым он либо привык как к жизненно необходимым, либо считает жизнь без них неудовлетворительной, либо не может смириться с тем, что является аутсайдером и т.п. Разрыв порождает фрустрацию, положение кажется людям невыносимым и унижительным, они ищут виновных. Недовольство направляется против власти, в итоге возникают массовые беспорядки.

² В частности, в случае Арабской весны это было совпадение экономического кризиса и роста цен на продовольствие.

Данное описание представляется весьма релевантным для российского модернизирующегося общества. Таким образом, наиболее опасным моментом для режима становятся период временного (особенно неожиданного) ухудшения ситуации, падения уровня жизни или другие тяготы, если это происходит на фоне устойчивого и длительного недовольства властью. К условиям появления революции, как правило, добавляется падение авторитета власти и ее неспособность к адекватным или решительным действиям. Революционный процесс ускоряется, если потерявшая авторитет власть проявляет не вовремя слабость или уступчивость. В феврале 1917 г. это был как раз случай России. В.И. Ленин, как известно, определял это как ситуацию, когда «верхи не могут управлять по-старому» [Ленин 1981: 69]. Хантингтон говорит об «утрате прежней элитой воли к власти и способности управлять» [Хантингтон 2004: 278].

Парадоксы модернизации. Пусть на первый взгляд это выглядит странным, революции нередко происходят именно в период после некоторого (и порой довольно длительного) повышения уровня жизни населения. Первым это показал еще Алексис де Токвиль, исследуя «старый», т.е. дореволюционный (до 1789 г.), порядок во Франции [Токвиль 1997].

Другой парадокс модернизации заключается в том, что хотя отсталость и бедность вызывают социальное напряжение, но неравенство может возрастать именно в процессе попыток ликвидации бедности и отсталости. Так, в России действия правительства Столыпина в стремлении решить проблему отсталости сельского хозяйства и бедности крестьян за счет разрушения общины и приобретения крестьянами права на индивидуальное хозяйство вызвали рост неравенства и напряженности в деревне, да и во всем обществе. А развитие народного образования привело к росту численности людей, среди которых было проще агитировать против правительства. Введение рабочих законов, решив на время наиболее острые проблемы, ни в коей мере не успокоило рабочий класс. А создание парламента, пусть и с ограниченными правами, усилило стремление либералов требовать новых уступок. Это показывает, насколько сложно избежать модернизационной ловушки. Проблема еще и в том, что в некоторые периоды запоздалые реформы только ухудшают положение правительства. По сути режим должен вести бонапартистскую политику балансирования между различными слоями и группами, оптимально используя уступки и репрессии, чтобы двигать страну вперед. Императорский режим в России был слишком удовлетворен собой и величествен, чтобы действовать таким образом. Кроме того, власти, которая стремится модернизировать страну, максимально сохраняя в ней стабильность, необходимо иметь ясное понимание ситуации и определенную цель. Такое видение имелось лишь у отдельных государственных деятелей в короткие периоды (например, у Столыпина), в целом же эти качества у российской элиты отсутствовали.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что *революции нередко происходят именно в экономически успешных или даже очень успешных обществах*. Однако именно этот успех ведет к завышенным ожиданиям и более жесткой критике правительства, что становится идеологической базой для социального взрыва. Все это в полной мере относится к России. Ее экономическое развитие было быстрым, в основном успешным. И особенно успешным оказалось предвоенное пятилетие.

Известно, что революции далеко не всегда ведут к демократии, поскольку переход к ней требует определенного уровня развития общества, менталитета и готовности большинства населения. В противном случае революции могут

даже задержать переход к демократии, что мы и видим на примере России, а сегодня — на примере многих арабских государств. Поскольку эти сюжеты мы уже рассматривали [Гринин, Коротаев 2014], отметим только один момент. Чаще всего модернизирующиеся общества — это общества монархические или авторитарные (т.е. недемократические, либо те, в которых не сложились устойчивые демократические институты). Авторитарные общества — общества с жесткой конструкцией. Поэтому они и подвержены революционной ломке, тогда как демократические общества, в которых выход социального недовольства может канализоваться в законные формы, революций не знают. Так, в 1848 г. в Европе и Англии был подъем социальной активности. Но в Англии дело обошлось мирными формами (чартизм), а в Европе произошли революции. На наш взгляд, наибольшую опасность для социальных потрясений представляют ситуации частичной (неинституционализированной) демократии, при которой начинается “перетягивание каната” между авторитарными и радикальными силами; а также ситуация, когда влиятельные радикальные силы, по природе своей и убеждениям недемократические, используют демократические свободы и выборы для захвата власти. Именно так случилось в России. И такие ситуации продолжают иметь место [см. анализ событий Арабской весны: Гринин, Исаев, Коротаев 2016].

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ЛОВУШКИ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ

На связь революций и модернизации указывали многие исследователи [см., напр., Dahl 1971; Brunk, Caldeira, Lewis-Beck 1987; Rueschemeyer, Stephens E., Stephens J. 1992; Burkhart, Lewis-Beck 1994; Londregan, Poole 1996; Epstein et al. 2006; Voix 2011; Хантингтон 2004; Голдстоун 2015].

Наши исследования целого ряда моделей развития различных стран в разные эпохи также показали, что сами процессы модернизации независимо от уровня потребления и темпов демографического роста достаточно тесно и органично связаны с опасностью социально-политических катаклизмов, которые сравнительно легко могут перерасти в революции и кровавые потрясения. Особенно способствуют этому распространение в обществе радикальных идей и идеологий, стремительная урбанизация, повышенная доля молодежи в демографической структуре и быстрый рост образованности части населения в сочетании с неграмотностью или низким уровнем образования другой его части [см. Гринин 2013; Гринин, Исаев, Коротаев 2016]. Все это явно присутствовало в России.

В некоторых случаях модернизация, сопровождаемая быстрым ростом населения, все же не приводит к революциям благодаря более удачной внутренней и внешней политике государства (примером чему служит Япония после реставрации Мэйдзи или Египет в последней трети XIX — первой половине XX вв.). Но целом такие случаи бескризисного развития в условиях модернизации следует рассматривать скорее в качестве исключения, а случаи революций и политических потрясений — как типичные. Этот вывод послужил для нас основанием ввести понятие *модернизационной ловушки*, т.е. закономерного социально-политического кризиса, возникающего в процессе модернизации, в которую попадает общество в попытке преодолеть отсталость [см. Гринин 2013].

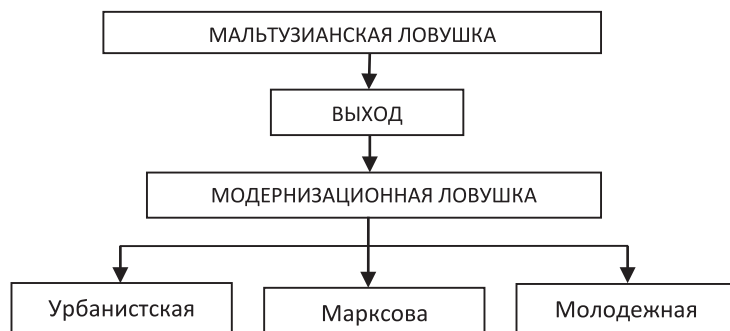
Модернизационная ловушка возникает в процессе или после выхода общества за счет радикальных изменений из мальтузианской ловушки, характерной для определенного уровня развития сверхсложных аграрно-ремесленных обществ.

Мальтузианская ловушка предполагает ситуацию, когда общество не может в течение длительного времени технологически разрешить проблему повышения продуктивности сельского хозяйства так, чтобы она росла быстрее увеличения населения³. Фактически аграрное общество подходит в этой ситуации к пределу своих возможностей. Рано или поздно возникает и социально-политический кризис, нередко ведущий к коллапсу государственности и вытекающей из этого гуманитарно-демографической катастрофе.

Но в процессе выхода из мальтузианской ловушки, а равно в процессе изменения общества, возникает большая опасность попадания в ловушки иного типа – модернизационные. Кратко это различие можно выразить так: мальтузианская ловушка связана с отставанием производительных сил от темпов роста населения, т.е. их недостаточно быстрым ростом. и в целом недостаточным динамизмом изменений, зато модернизационная ловушка, напротив, есть результат чрезмерно быстрых изменений, за которыми ряд важнейших отношений и институтов общества не успевает. Модернизация – в мировом масштабе процесс длительный. Соответственно, такая ловушка имеет ряд разновидностей, что видно на рис. 1.

Рисунок 1 (Figure 1)

Типы модернизационных ловушек при выходе из мальтузианской ловушки
Types of Modernization Traps on the Output of the Malthusian Trap

Урбанистская ловушка. Сначала мальтузианская ловушка может эволюционировать в то, что можно назвать урбанистской ловушкой. Речь идет уже о прединдустриальных обществах с относительно высоким уровнем урбанизации и сложившейся буржуазией. В таких обществах еще нет фабрично-заводской промышленности, основанной на применении машин, однако уже существуют различные формы раннекапиталистических торговых и промышленных предприятий. Но главное – уровень урбанизации приблизился к определенному порогу, за которым совершенно необходимы существенные преобразования общества. В то же время политическая элита не осознает этого, а часть горожан, буржуазия и интеллигенция выступают как передовой отряд общественной оппозиции. Наши исследования показывают, что у модернизирующихся обществ наибольшая напряженность возникает при уровне урбанизации от 10 до 20-30% [см. Гринин, Коротаев 2009].

³ Для значительной части населения это может вести к понижению жизненного уровня и даже балансированию на грани физиологического выживания [см., напр., Artzrouni, Komlos 1985; Steinmann, Komlos 1988; Komlos, Artzrouni 1990; Steinmann, Prskawetz, Feichtinger 1998; Wood 1998; Kögel, Prskawetz 2001].

Англия перед революцией 1640 г. представляла собой один из первых таких примеров, другим примером является Франция кануна Великой французской революции. Но в Англии в отличие от Франции были достигнуты большие успехи собственно в сельском хозяйстве [см. Grinin, Korotayev 2015], что, возможно, стало одной из причин относительной инертности крестьянства в период революции. Главное отличие политических кризисов и политических выступлений против власти в условиях урбанистской ловушки (по сравнению с восстаниями в позднеаграрных сословных обществах) заключается в следующем: имеется стремление превратить выступление в общенациональное, придать ему ярко выраженный идеологический характер и — особенно наглядное отличие — изменить существующий строй, создав новый общенациональный орган власти. При этом ядром, первичной силой такого движения выступают высшие городские слои, включая, конечно, контрэлиту и часть элиты, отстраненной от власти. Но все эти слои спланирует новая идеология. Урбанистская ловушка означает переход от городских восстаний и крестьянских войн к социальным революциям.

Марксова ловушка. На начальных этапах индустриализации общество может попасть в марксову ловушку. Она представляет собой ситуацию слаборегулируемой эксплуатации нарождающегося рабочего класса и, как следствие, непримиримой классово-борьбы, ведущей к опасности социальной дестабилизации. Марксова ловушка могла быть преодолена в результате: а) социального реформирования; б) принятия развитого рабочего законодательства и / или приобретения наемными работниками дополнительных прав и возможностей в процессе организованного “торга” с работодателями; в) завершения индустриализации и демографической революции (снижения рождаемости); г) для таких стран, какой была дореволюционная Россия, важным моментом выступает развитие института частной собственности на землю, которая способствует более интенсивному использованию земли и большему развитию товарно-денежных отношений.

Молодежная ловушка всегда связана с социально-демографическими факторами, возникающими вследствие модернизации. В результате модернизации рост производства пищи и медицинской культуры уменьшает смертность населения и резко увеличивает долю в нем молодых возрастов (15-24 года), т.е. возникает так наз. *молодежный бугор*, который наглядно виден на диаграммах, показывающих долю молодежи в общем составе населения. Такое изменение пропорции в условиях модернизации создает условия для социально-политической нестабильности. По словам Дж. Голдстоуна, большинство революций XX в. в развивающихся странах произошли там, где наблюдались особо значительные “молодежные бугры” [Goldstone 2002: 11-12]. Русская революция явно не была исключением, поскольку численность молодых людей превышала численность их родителей. Молодежные модернизационные ловушки стали особенно распространенными в послевоенный период благодаря успехам медицины в снижении детской смертности. Это еще больше повысило долю молодых когорты в составе населения⁴.

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И РОСТ РЕВОЛЮЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ

Причины русской революции многообразны, их следует анализировать в разных аспектах на разных уровнях и временных периодах. Но, исходя из вышесказанного, в качестве самой общей причины можно указать на усиливающееся несоответствие социального и политического строя и господствующей

⁴ Подробнее об урбанистской и молодежной ловушках, а также вариантах этих типов ловушек см. [Гринин 2013; Гринин, Исаев, Коротаев 2016].

шей идеологии (монархистско-охранительной), с одной стороны, и быстрые социальные, экономические и культурные изменения в стране — с другой. Говоря иначе, Российское государство и общество стали испытывать большие перегрузки, вызванные модернизацией, к которым их конструкция и идеология не были готовы. Только своевременные и глубокие перемены в государственном строе и обществе могли бы изменить ситуацию. Но поскольку они запаздывали, а в отношении изменения политического строя всячески блокировались самодержавием, то в связи с резким ускорением темпа развития в обществе возникли и все усиливались серьезные деформации. На этом фоне все слабые аспекты режима резко обострились быстрым демографическим ростом, который стал постоянным источником напряженности из-за растущего малоземелья в центральных губерниях и достаточно частых недородов, в отдельные годы охватывающих до двух десятков губерний или даже больше.

Темпы модернизации. В качестве иллюстрации высоких темпов модернизации приведем некоторые данные статистики. Прежде всего, подчеркнем, за период с 1861 по 1913 г. Россия имела впечатляющий рост населения, почти в 2,5 раза. Рост населения в ней был самым быстрым в Европе [Грегори 2003: 22]. В абсолютных цифрах в 1913 г. в Российской империи проживало округленно 178,4 млн чел., а без Польши и Финляндии — 163,7 млн [Россия... 1995]. За 46 лет (с 1867 по 1 января 1914 г.) городское население России возросло (округленно) 7,4 млн чел. до 23,3 млн, т.е. более чем втрое. Доля городского населения в общем населении России приближалась к 15%. Темпы роста численности городского населения были гораздо выше темпов роста населения страны. С 1897 по 1 января 1914 г. численность городского населения России (без Польши) возросла на 8,6 млн чел., или на 58,4%, тогда как за тот же период численность всего населения увеличилась на 33,7% [там же]. Это было ярким показателем быстрой модернизации. Но рост городов — это всегда и рост проблем и возможностей для возникновения дестабилизации. Вероятность возникновения процессов дестабилизации общества, ведущих к кровопролитным потрясениям, особенно высока, когда доля городского населения составляет 10-30% [см. Гринин, Коротаев 2009].

Другим показателем быстрой модернизации было то, что, несмотря на взрывной рост населения, национальный доход рос в полтора раза быстрее.

Так, с 1861 по 1913 г. население России увеличилось в 2,35 раза, а национальный доход — в 3,84 раза. Это показывает скорость перемен в стране, указывает на причины диспропорций. При этом особо быстрые темпы роста ВВП наблюдались в 1890-1904 гг., т.е. перед первой русской революцией [Грегори 2003: 22 и табл. 1 на с. 61].

Увеличение национального дохода объяснялось как быстрым ростом промышленного производства (и современного транспорта), так и хорошими темпами сельхозпроизводства. Россия была крупнейшим в Европе производителем сельскохозяйственной продукции. Важно отметить, что рост общего производства в сельском хозяйстве, равно как и рост производительности труда в нем и урожайности, опережал рост населения. Так, рост производительности в сельском хозяйстве в 1903-1913 гг. ежегодно равнялся 1,8%, что составляло три четверти роста производительности в промышленности [там же: 26, 64]. С 1883 по 1905 г. производство сельхозпродукции росло на 2,55% в год, тогда как население — на 1,3%, т.е. почти в два раза быстрее, а производство сельскохозяйственной продукции на душу населения росло темпом 1% в год [там же: 34]. Эти данные говорят о том, что в России не было ухудшения положения населения в области питания, напротив, ситуация хотя и медленно,

но шла в сторону роста потребления. Но рост неравенства на фоне быстрых изменений вызывал и усиление социальной напряженности.

Кто был зачинщиком революции? Горожане и крестьяне в русской революции. Исследователи довольно давно заметили, что крестьянство не выступает в качестве авангарда революции [см. Сорокин 1992: 287 со ссылкой на профессора Э. Хайеса], даже если сельчане и испытывают неудовлетворенность положением, налоговым гнетом (не слишком, правда, сильным в царской России), страдают от притеснений или в периоды неурожая. В лучшем случае возникают волнения, погромы и прочие виды нестабильности. В истории России это хорошо видно в период до начала революции 1905-1907 гг., когда крестьянские волнения усиливались с 1901 г.

Центром революционного напряжения и местом начала революционных выступлений, как правило, выступали города, причем крупные и столичные. Крестьяне втягиваются в революционные процессы заметно позже, а иногда выступают как контрреволюционная (консервативная) сила, как это случилось во Франции в 1849-1852 гг., когда крестьяне поддержали Луи-Наполеона Бонапарта (Наполеона III). Россия в этом плане не была исключением: авангардом революции в ней выступали горожане, а крестьяне активизировались на несколько месяцев позже.

Какие слои городского населения наиболее активно участвуют в революционных движениях в модернизирующихся обществах? С. Хантингтон на первое место ставит средний класс, особенно интеллектуалов “с традиционными корнями и современными ценностями”, за которыми идут служащие [Хантингтон 2004: 292], а рабочий класс — лишь на второе место [там же: 287]. Правда, в своем исследовании он делает больший упор на современные ему (т.е. периода 1940-1960-х годов) общества, добавляя, что в XIX в. в европейских странах пролетариат был гораздо радикальнее [там же]. В России как раз пролетариат был довольно революционным, но интеллигенция, а также и служащие активно участвовали в революции, не говоря уже о студентах, которые были ее передовым отрядом.

Вывод о решающей роли городов в подготовке и организации революции исключительно важен и сам по себе. Но в отношении России он важен еще и потому, что опровергает утверждение, что причиной русской революции было существование народа на уровне физиологического выживания [см. Нефедов 2010]. Поскольку если уровень потребления крестьян, особенно бедных, действительно был невысок, то уж в городах питание было однозначно лучше, чем в деревне⁵. Квалифицированные рабочие и вовсе зарабатывали неплохо по тем временам. И все же, повторим, именно рабочие и даже служащие, которые жили лучше крестьян, оказались ударным отрядом революции.

Важнейшая проблема России как страны модернизирующейся состояла в том, что в ней сложилась очень сильная диспропорция между уровнем жизни, доходами и потреблением разных слоев и страт населения. При этом социальная

⁵ Статистические данные по этому поводу весьма фрагментарные и отрывочные, во многом спорные. Мы посчитали по данным о потреблении членов семьи рабочих в Середском фабричном районе Костромской губернии в 1911 г., что едоки семей рабочих с наименьшим доходом на едока (меньше 8,3 рубля в месяц на человека) потребляли в день примерно около 2 100 ккал. Небогато, конечно, но с учетом, что в число едоков входили дети и женщины, все же вполне приемлемо даже по современным нормам ВОЗ. А члены семьи рабочих с наибольшим доходом на едока (свыше 16,6 руб. на едока в месяц) — 2 680 ккал., при этом их стол был достаточно разнообразным [Россия... 1995: XII, табл. 6]. Но отметим, что квалифицированные рабочие участвовали в революционных событиях едва ли не активнее, чем неквалифицированные.

психология не успевала приспособиться к изменениям, понять действительные (а не кажущиеся) причины трудностей, правильно оценить изменения. Народные массы, не желая мириться с сильным социальным расслоением внутри общины, несправедливостью, возросшей ролью денег, новой моралью, изменением привычного уклада, в то же время быстро привыкали к более зажиточному образу жизни. Последнее особенно касалось фабричных рабочих. С другой стороны, ни государство, ни элита не были готовы к быстрым изменениям и не желали перемен, отвечающих насущному моменту. Россия стала сложной по социальному составу страной, а власть по-прежнему рассматривала ее строй, говоря словами историка С.М. Соловьева, как общество, состоящее из двух слоев: мужей и мужиков (в частности, считая такими и городских рабочих). Среди государственных деятелей того времени лишь единицы отвечали потребностям обновления страны.

Какую роль играло в русской революции аграрное перенаселение и вызванное им малоземелье? Без преувеличения — огромную. Постоянный рост малоземелья, связанный с мощнейшим демографическим давлением и общинным землевладением, не позволял быстрее внедрять новые формы хозяйствования и усиливал экологический кризис, создавая постоянное напряжение в обществе.

Однако опыт истории (в том числе и СССР) показывает: само по себе крестьянство не способно совершить революцию и обычно даже не способно начать ее. Кроме того, крестьянство как таковое далеко не всегда стремится свергнуть власть, захватить ее и изменить государственный строй (зато к этому призывает интеллигенция, ее экстремистская часть). Крестьянство стремится к социально-экономическим изменениям, улучшению своего положения, в том числе к переделу земли. И потому его можно успокоить проведением необходимых реформ. Так, после Декрета о земле крестьянство уже ничего особенно не требовало, активизируясь только в ситуации, когда его благополучие задевала белогвардейская или советская власть. В целом поэтому “революция затухает чаще в деревне” [Сорокин 1992: 287]⁶.

Вот почему малоземелье и демографическое давление не были решающими факторами возникновения революции — таковыми были изменения, созданные модернизацией. Однако малоземелье и демографическое давление в сочетании с общинным характером землепользования придали русской революции огромный размах, глубину и разрушительную силу, позволившую уничтожить целый ряд важнейших институтов общества.

МАЛЬГУЗИАНСКО-МАРКSOVA ЛОВУШКА

Мальгузианская ловушка — это ситуация, когда в долгосрочной перспективе рост производства (особенно продовольствия) и рост производительности труда отстает от роста населения. Очевидно, что в России до 1917 г. ситуация была существенно иной. Во-первых, рост производства и производительности в сельском хозяйстве не отставал и даже обгонял рост населения, а рост промышленности был еще более быстрым. Во-вторых, технологически открывались огромные возможности для дальнейшего роста продуктивности сельского хозяйства и производительности аграрного труда (в виде кооперации, применения новых агрономических приемов, удобрений, машин и т.п.)⁷. Это и наблюдалось, особенно в предвоенное пятилетие, в том числе в росте кооперации и продуктов животноводства в Сибири и других регионах.

⁶ П. Сорокин цитирует здесь профессора Э. Хайеса.

⁷ С 1908 по 1912 гг. расходы на приобретение машин возросли в 2,5 раза — с 54 млн рублей до 131 млн рублей [Изместьев 1990: 77].

В-третьих, колоссальные возможности открывались и частично реализовывались в плане превращения общинной (технологически менее производительной) собственности на землю в частно-надельную. В-четвертых, огромный экспорт зерна и других продуктов питания также говорил об отсутствии дефицита продовольствия. Наконец, в-пятых, развитие промышленности и известные реформы могли вывести страну на другую траекторию развития.

Вот почему в России в начале XX в. уже не было типичной мальтузианской ловушки. Страна попала в модернизационную ловушку. С учетом того, что демографическое давление в России было велико и она все еще представляла переходное от феодализма к капитализму общество, тип этой ловушки определен нами как разновидность марксовой ловушки, а именно — *мальтузианско-марксова ловушка*, характерная для начальных фаз индустриализации стран с аграрным перенаселением и сильными пережитками феодализма.

Мальтузианско-марксова ловушка возникает в ситуации, когда появляется фабричная промышленность и заметным (но все еще относительно малочисленным) слоем общества становится промышленный пролетариат. В ней можно выделить две главные составляющие: экономическую (марксову) и демографическую (мальтузианскую).

Марксова составляющая связана с диспропорцией в распределении выгод от быстрого экономического роста и с отсутствием или неразвитостью социального законодательства, что делает работников порой беспомощными, а эксплуатацию нередко — варварской, хотя ситуация экономического подъема заставляет хозяев идти на повышение зарплаты и бояться всякого рода простоев. Однако в ситуации кризисов опасность социального взрыва нарастает. Возможность такой грубой эксплуатации усиливается демографическим давлением, которое постоянно выбрасывает в города и на промыслы все новых работников из села. Поскольку последние обычно не обладают квалификацией, часто неграмотны или малограмотны, возникает диспропорция между спросом на квалифицированную рабочую силу и чрезмерным предложением неквалифицированной рабочей силы. В результате наблюдается большой разрыв в доходах рабочих разных групп.

Мальтузианская составляющая связана с аграрным перенаселением и высоким естественным приростом, который усиливается достижениями модернизации — сокращением смертности. При переизбытке рабочей силы растет безработица, население беднеет, усиливается эксплуатация наемного труда, а в аграрном секторе в зависимости от системы крестьянского хозяйствования возникает малоземелье и повышается арендная плата либо возрождаются в том или ином виде квазифеодальные повинности. Усугубляют ситуацию временные (но трагические) эпизоды недородов и даже голода. При этом мальтузианская составляющая выступает и как поставщик социально взрывоопасного материала, особенно в виде большого числа молодежи, которая, объединяясь, становится мощнейшей силой⁸.

В отличие от мальтузианской ловушки проблема перенаселения в указанных обществах не фатальная, а как мы видели, скорее социальная, поскольку процессы социальной мобильности, диверсификации занятий населения позволяют уменьшать аграрное перенаселение и его последствия.

---

⁸ Однако индустриализация не всегда связана с быстрым ростом населения. Так, например, во Франции в XIX в. население росло сравнительно медленно, за сто лет увеличившись всего примерно в полтора раза: с 26,9 млн человек до 40,7 млн человек [Armengaud 1976: 29]. Но это не помешало тому, что в XIX в. в ней произошло несколько революций. Во Франции, таким образом, наблюдалась марксова ловушка в чистом виде.

Однако такая быстрая динамика экономики и миграций требует существенных трансформаций политического строя, правовой системы и прочего, а эти изменения могут существенно запаздывать. Со стороны элиты и высшей власти на пути изменения политической системы стоят мощнейшие преграды. Между тем политическая модернизация в стране идет, а это означает, что в политический процесс так или иначе включаются все новые слои населения [Хантингтон 2004: 270]. Политическая модернизация во многом неразрывна с социальной, которая означает появление большей социальной мобильности, большего числа так наз. социальных лифтов, позволяющих выдвинуться активным и талантливым людям. Число таких возможностей в дореволюционной России резко выросло, поскольку недостаток образованных людей открывал путь наверх многим в разных областях деятельности: в системе образования и науке, статистике и здравоохранении, даже в военной службе. Но в отношении лифтов к высшим политическим постам ситуация была существенно хуже. Хотя и туда попадали люди незнатного происхождения (в меньшем количестве, чем в другие сферы), но в целом эти посты и тем более придворные должности рассматривались как привилегия аристократии, в любом случае дух и идеология родовитой аристократии господствовали здесь. И это усиливало разрыв между политической модернизацией в широком плане и медленными изменениями в политической структуре империи.

Могла ли Россия выйти из мальтузианско-марксовской ловушки без глубокой и разрушительной социальной революции? Теоретически могла. Но для этого требовалось очень многое. Помимо потребности в длительном внешнем мире были необходимы глубокие и систематические реформы во всех сферах жизни: надо было перестроить общину, внедрить частную собственность в сельское хозяйство, каким-то образом ускорить перестройку помещичьего землевладения⁹, изменить государственную систему и расширить систему образования, создать новую систему национальных отношений и т.п. Но для этого требовались иная элита, иная власть или хотя бы иные люди на вершине власти, а также другая международная обстановка.

“Революция в значительной степени есть расплата за грехи (и, добавим, ошибки. — Л.Г.) прошлого, есть знак того, что не было творческих духовных сил для реформирования общества”, — писал Н. Бердяев [1995: гл. X]. Творческих духовных сил для систематического и разумного реформирования в российской элите явно не хватило, мало того, она одновременно и препятствовала реформам, и фрондировала перед самодержавием, которое было единственной скрепляющей систему силой.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Основной причиной русских революций было то, что модернизирующееся общество, каким была Российская империя, в условиях быстрого демографического роста и стремительной урбанизации неизбежно сталкивается с сильными деформациями и изменениями, которые обостряют все противоречия в обществе и выливаются в усиление противостояния, в то время как, с одной стороны, понимание ситуации правящей элитой явно отстает от развития ситуации, а идеологические представления противников режима о возможной глубине преобразований явно опережают возможности общества.

⁹ Последнее уже и так менялось — частью земли просто продавались, частью поместья трансформировались в интенсивное хозяйство, но они оставались постоянным раздражителем для крестьянства.

Следовательно, революции в России были почти неизбежны. Однако были ли неизбежными результаты революций?

В.И. Ленин справедливо отмечал, что главный вопрос любой революции — вопрос о власти [Ленин 1969: 145]. Отметим, что любая смена власти, даже самая легитимная, неважно, в монархическом или демократическом устройстве, неизбежно ведет к более или менее заметным сбоям в функционировании административно-политической машины. Смена же власти путем революции означает значительно более резкий сбой в работе системы, часто с непредсказуемыми последствиями. *Вот почему в целом революции всегда были разрушительным и затратным способом социального прогресса.*

Только революции, которые совершаются уже в конце полосы модернизации и преобразований (в том числе повторные революции), могут быть относительно социально не затратными, “бархатными”, прогрессивными. Из революций, которые начинают полосу социально-политической ломки и преобразований, наиболее продуктивны, хотя это и звучит неожиданно, революции, потерпевшие поражение. Именно они, не позволяя разрушить общество до основания, становятся теми драйверами, которые заставляют правительства реформировать политическую и социальную систему, а также, поскольку правительства получают определенную “прививку” страха революции, нередко толкают их к дальнейшему реформированию (так было, в частности, в период правления Бисмарка в Германии). Таковы были революции 1848-1849 гг., в результате которых в европейских государствах открылась дорога к капитализму и к демократии. После испуга, который испытала австрийская монархия в результате венгерской революции 1849 г., поражение в войне с Пруссией в 1866 г. вынудило ее, не дожидаясь новой революционной вспышки, превратить Австрийскую империю в двуединую монархию Австро-Венгрию. И это позволило ей просуществовать еще полвека.

Именно таковой была революция 1905-1907 гг. в России, которая дала мощный толчок развитию страны, в том числе и ее парламентаризма. Если бы страна пережила еще одну такую не достигшую победы революцию, вполне вероятно, правительство вынуждено было бы продолжить реформирование, в том числе и в области принудительного отчуждения помещичьих земель¹⁰, и в области национальных отношений, и в других. Тогда, возможно, далее страна могла бы пойти более спокойным курсом (хотя в ретроспективе, конечно, для России эпоха Великой депрессии 1930-х годов с падением цен на хлеб могла быть очень тяжелой в социальном плане).

Новая революция случилась в России в период войны, когда армия вышла из-под контроля правительства, что предопределило радикализацию будущих изменений, причем с *какого-то периода в 1917 г. этого уже было не избежать*. Конечно, для такой радикализации имелись предпосылки, но в условиях мирной жизни они вряд ли бы реализовались.

Поэтому хотя революция в России была почти неизбежным этапом исторического развития, радикальный слом частной собственности и других испытанных институтов общества в ее ходе стал результатом складывания особых исторических обстоятельств и даже случайностей.

Важный момент, связанный с всемирно-историческим аспектом крупных революций, — появление новых линий исторического развития.

¹⁰ В экономическом плане эта реформа имела бы, возможно, не особо длительный эффект, но в социальном она снимала бы революционный навес.

Многолинейность – характерная черта социальной эволюции. Появление новой линии развития – это новые возможности, усиление конкуренции, рост одновременно и дивергенции, и конвергенции. Социалистическая революция в России открыла новое направление в индустриализации отстающих стран. И хотя эта линия не была магистральной, она существенно способствовала и модернизации мира, и его деколонизации.

Бердяев Н.А. 1995. *Царство духа и царство кесаря*. М.: Республика. 384 с.

Голдстоун Дж. 2015. *Революции. Очень краткое введение*. М.: Издательство Института Гайдара. 192 с.

Грегори П. 2003. *Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX века). Новые подсчеты и оценки*. М.: РОССПЭН. 256 с.

Гринин Л.Е. 2013. Государство и кризисы в процессе модернизации. – *Философия и общество*. № 3. С. 29-59.

Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Моск. ред. изд-ва “Учитель”. 384 с.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2009. Урбанизация и политическая нестабильность: К разработке математических моделей политических процессов. – *Polis. Политические исследования*. № 4. С. 34-52. Доступ: <http://www.politstudies.ru/article/4150> (проверено 31.05.2017).

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2014. Революция vs демократия (революция и контрреволюция в Египте). – *Polis. Политические исследования*. № 3. С. 139-158. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.03.09>

Измestьев Ю.В. 1990. *Россия в XX веке. Исторический очерк, 1894-1964*. Нью-Йорк: Переключка. 456 с.

Ленин В.И. 1969. О двоевластии. – *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 31. Март – апрель 1917. М.: Политиздат. С. 145-148.

Ленин В.И. 1981. Детская болезнь “левизны” в коммунизме. – Ленин В.И. *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 41. Май – ноябрь 1920. М.: Политиздат. С. 1-104.

Нефедов С.А. 2007. *Концепция демографических циклов*. Екатеринбург: Изд-во УГГУ. 141 с.

Нефедов С.А. 2010. О причинах Русской революции. – *О причинах Русской революции*. Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: ЛКИ/URSS. С. 25-60.

О причинах Русской революции. 2010. Под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, С.Ю. Малкова. М.: ЛКИ/URSS. 432 с.

Побережников И.В. 2006. *Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации*. М.: РОССПЭН. 240 с.

Россия 1913 год. 1995. *Статистико-документальный справочник*. Российская академия наук; Институт российской истории. СПб.: БЛИЦ. 415 с.

Сорокин П.А. 1992. Социология революции. – *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Политиздат. С. 266-294.

Токвиль А. де. 1997. *Старый порядок и революция*. М.: Московский философский фонд. 252 с.

Травин Д., Маргания О. 2004. *Европейская модернизация*. М.: АСТ. 672 с.

Хантингтон С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция. 480 с.

Яковлев А.И. 2010. *Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX веках*. М.: URSS. 504 с.

Armengaud A. 1976. Population in Europe 1700-1914. – *The Industrial Revolution. 1700-1914*. Ed. C.M. Cipolla. London: Harvester. P. 22-76.

Artzrouni M., Komlos J. 1985. Population Growth through History and the Escape from the Malthusian Trap: A Homeostatic Simulation Model. – *Genus*. No. 41 (3-4). P. 21-39.

Boix C. 2011. Democracy, Development, and the International System. – *American Political Science Review*. Vol. 105. No. 4. P. 809-828.

Brunk G.G., Caldeira G.A., Lewis-Beck M.S. 1987. Capitalism, Socialism, and Democracy: An Empirical Inquiry. — *European Journal of Political Research*. Vol. 15 (4). P. 459-470.

Burkhart R.E., Lewis-Beck M.S. 1994. Comparative Democracy: the Economic Development Thesis. — *American Political Science Review*. No. 88 (04). P. 5-19.

Dahl R.A. 1971. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven: Yale University Press. 257 p.

Davies J.C. 1962. Toward a Theory of Revolution. — *American Sociological Review*. Vol. 27. No. 1. P. 5-19.

Davies J.C. 1969. Toward a Theory of Revolution. — *Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective*. Ed. by B. McLaughlin. New York: Free Press. P. 85-108.

Epstein D.L., Bates R., Goldstone J., Kristensen I., O'Halloran S. 2006. Democratic Transitions. — *American Journal of Political Science*. Vol. 50. No. 3. P. 551-569. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2006.00201.x>

Goldstone J. 2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. — *Journal of International Affairs*. Vol. 56. No. 1. P. 3-21.

Grinin L., Korotayev A. 2015. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. Cham; Dordrecht: Springer. 252 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-17780-9>

Gurr T. 1968. A Causal Model of Civil Strife: a Comparative Analysis Using New Indices. — *American Political Science Review*. Vol. 62. No. 4. P. 1104-1124. DOI: <https://doi.org/10.2307/1953907>

Gurr T. 1974. Persistence and Change in Political Systems, 1800-1971. — *American Political Science*. No. 68 (December). P. 1482-1504.

Gurr T. 2015. *Why Men Rebel*. New York: Routledge. 291 p.

Kögel T., Prskawetz A. 2001. Agricultural Productivity Growth and Escape from the Malthusian Trap. — *Journal of Economic Growth*. No. 6. P. 337-357. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1012742531003>

Komlos J., Artzrouni M. 1990. Mathematical Investigations of the Escape from the Malthusian Trap. — *Mathematical Population Studies* No. 2. P. 269-287. DOI: <https://doi.org/10.1080/088984890009525313>

Londregan J.B., Poole K.T. 1996. Does High Income Promote Democracy? — *World Politics*. Vol. 49. P. 1-30. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.1996.0024>

Rueschemeyer D., Stephens E.H., Stephens J.D. 1992. *Capitalist Development and Democracy*. Chicago: University of Chicago Press. 398 p.

Steinmann G., Komlos J. 1998. Population Growth and Economic Development in the Very Long Run: A Simulation Model of Three Revolutions. — *Mathematical Social Sciences*. No. 16. P. 49-63.

Steinmann G., Prskawetz A., Feichtinger G. 1998. A Model on the Escape from the Malthusian Trap. — *Journal of Population Economics*. No. 11. P. 535-550. DOI: <https://doi.org/10.1007/s001480050083>

Wood J.W. 1998. A Theory of Preindustrial Population Dynamics: Demography, Economy, and Well-Being in Malthusian Systems. — *Current Anthropology*. No. 39. P. 99-135. DOI: <https://doi.org/10.1086/204700>

DOI: [10.17976/jpps/2017.04.10](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.10)

THE RUSSIAN REVOLUTION AND MODERNIZATION TRAPS

L.E. Grinin^{1,2}

¹Institute for Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

²National Research University Higher School of Economics. Volgograd, Russia

GRININ Leonid Efimovich, Dr. Sci. (Philos.), Principal Researcher, Institute for Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher of the Laboratory for Destabilization Risk Monitoring of the National Research University Higher School of Economics. Email: leonid.grinin@gmail.com

Grinin L.E. The Russian Revolution and Modernization Traps. — *Polis. Political Studies*. 2017. No. 4. P. 138-155. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.10>

Received: 03.04.2017. Accepted: 03.05.2017

Abstract. The Russian Revolution dramatically changed the history of our country and of the whole world. The search for its causes generated many theories and views. On the one hand, we can hardly perceive it beyond the peculiar socio-historical development of the Russian society and specific historical situation. On the other hand, starting from the Modern Era, many countries were 'taken ill' with revolutions. In the present article the author analyzes the Russian Revolution in connection with the world historical process, defines some common causes of revolutions and shows in what way these causes have manifested in our history, he also reveals the similarity of the Russian Revolution with other significant revolutions as well as distinguishes its peculiarities. This gives an opportunity to answer the questions whether the Russian Revolution was inevitable and whether the drastic social transformations that took place in the first period of the Soviet history were inevitable either. The focus of the present article lies on the correlation between revolution and modernization, on the interconnections, threats and traps that result from an accelerated development of a society and can lead to revolutions. Starting from the Modern era the revolutions are underpinned in most cases by considerable disproportions in the societal development resulting from an accelerated modernization. These disproportions are aggravated by a fast population growth and by an extremely sharp increase of the share of urban population in the structure of society. The article demonstrates how and why the revolutions occur during the periods after some (sometimes long) increase in the living standards of population and growing expectations, as well as why the revolutions are possible just in the societies successful in economic terms as it was with the pre-revolutionary Russia. The conclusion is made that the revolution at a certain stage of modernization is more probably a predicted pattern than a random event. The article reveals the mechanism that brings a society into a peculiar-type trap – the modernization one. While the Malthusian trap is believed to be connected with a lag of productive forces from population growth rates and the generally insufficient transformational dynamics, the modernization trap, on the contrary, is associated with extremely rapid changes which leave behind some most important societal relations and institutions. In Russia there originated a peculiar type of modernization trap – the Malthusian-Marxian one.

Keywords: modernization; revolution; the Russian revolution; political regime; democracy; crisis; elevated expectations; deprivation; the youth bulge; the Malthusian trap; modernization trap; the Malthusian-Marxian trap; historical process.

References

- Armengaud A. *Population in Europe 1700=1914. – The Industrial Revolution. 1700-1914.* Ed. C.M. Cipolla. London: Harvester. 1976. P. 22-76.
- Artzrouni M., Komlos J. Population Growth through History and the Escape from the Malthusian Trap: A Homeostatic Simulation Model. – *Genus.* 1985. No. 41 (3-4). P. 21-39.
- Berdyayev N.A. *Tsarstvo dukkha i tsarstvo kesarya* [The Realm of Spirit and The Realm of Caesar]. Moscow: Respublika. 1995. 384 p. (In Russ.)
- Boix C. Democracy, Development, and the International System. – *American Political Science Review.* 2011. Vol. 105. No. 4. P. 809-828.
- Brunk G.G., Caldeira G.A., Lewis-Beck M.S. Capitalism, Socialism, and Democracy: An Empirical Inquiry. – *European Journal of Political Research.* 1987. Vol. 15 (4). P. 459-470.
- Burkhart R.E., Lewis-Beck M.S. Comparative Democracy: the Economic Development Thesis. – *American Political Science Review.* 1994. No. 88 (04). P. 5-19.
- Dahl R.A. *Polyarchy: Participation and Opposition.* New Haven: Yale University Press. 1971. 257 p.
- Davies J.C. Toward a Theory of Revolution. – *American Sociological Review.* 1962. Vol. 27. No. 1. P. 5-19.
- Davies J.C. Toward a Theory of Revolution. – *Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective.* Ed. by B. McLaughlin. New York: Free Press. 1969. P. 85-108.
- Epstein D.L., Bates R., Goldstone J., Kristensen I., O'Halloran S. Democratic Transitions. – *American Journal of Political Science.* 2006. Vol. 50. No. 3. P. 551-569. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2006.00201.x>
- Goldstone J. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. – *Journal of International Affairs.* 2002. Vol. 56. No. 1. P. 3-21.
- Goldstone J. *Revolutions: A Very Short Introduction* (Russ. ed.: Goldstone J. *Revolutsii. Ochen' kratkoye vvedeniye.* Moscow: Institut Gaydara Publ. 2015. 196 p.)
- Gregory P. *Ekonomicheskiy rost Rossiyskoy imperii (konets XIX – nachalo XX veka)* [Economic Growth of Russian Empire (the End of the 19th – Beginning of the 20th centuries)]. Moscow: ROSSPEN. 2003. 252 p. (In Russ.)
- Grinin L., Korotayev A. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective.* Cham; Dordrecht: Springer. 2015. 252 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-17780-9>

Grinin L.E. The State and Crises in the Process of Modernization. — *Filosofiya i obschestvo*. 2013. No. 3. P. 29-59. (In Russ.)

Grinin L.E., Isayev L.M., Korotayev A.V. *Revolutsii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke* [Revolutions and Instability in the Middle East]. Moscow: Mosk. red. izd-va Uchitel. 2016. 384 p. (In Russ.)

Grinin L.E., Korotayev A.V. Revolution vs. Democracy (Revolution and Counterrevolution in Egypt). — *Polis. Political Studies*. 2014. No. 3. P. 139-158. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.03.09>

Grinin L.E., Korotayev A.V. *Urbanization and Political Instability: to the Development of Mathematical Models of Political Processes*. — *Polis. Political Studies*. 2009. No. 4. P. 34-52. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/article/4150> (accessed 31.05.2017).

Gurr T. A Causal Model of Civil Strife: a Comparative Analysis Using New Indices. — *American Political Science Review*. 1968. Vol. 62. No. 4. P. 1104-1124. DOI: <https://doi.org/10.2307/1953907>

Gurr T. Persistence and Change in Political Systems, 1800-1971. — *American Political Science*. 1974. No. 68 (December). P. 1482-1504.

Gurr T. *Why Men Rebel*. New York: Routledge. 2015. xiv, 291 p.

Huntington S. Political Order in Changing Societies. (Russ. ed.: Huntington S. *Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obschestvakh*. Moscow: Progress-traditsiya. 2004. 480 p.)

Izimestyev Yu.V. *Rossiya v XX veke. Istoricheskiy ocherk, 1894-1964* [Russia in the 20th Century. Historical sketch, 1894-1964]. New York: Pereklichka. 1990. (In Russ.)

Kögel T., Prskawetz A. Agricultural Productivity Growth and Escape from the Malthusian Trap. — *Journal of Economic Growth*. 2001. No. 6. P. 337-357. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1012742531003>

Komlos J., Artzrouni M. Mathematical Investigations of the Escape from the Malthusian Trap. — *Mathematical Population Studies*. 1990. No. 2. P. 269-287. DOI: <https://doi.org/10.1080/08898489009525313>

Lenin V.I. *Detskaya bolezn' "levizny" v kommunizme* [The Child's Disease of "Leftness" in Communism]. — *Polnoye sobraniye sochineniy* [Full Collection of works]. Vol. 41. Moscow: Politizdat. 1981. P. 1-104. (In Russ.)

Lenin V.I. *O dvoevlastii* [On Duality of Power]. — *Polnoye sobraniye sochineniy* [Full Collection of works]. Vol. 31. Moscow: Politizdat. 1969. P. 145-148. (In Russ.)

Londregan J.B., Poole K.T. Does High Income Promote Democracy? — *World Politics*. 1996. Vol. 49. P. 1-30. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.1996.0024>

Nefyodov S.A. *Kontseptsiya demograficheskikh tsiklov* [The Concept of Demographic Cycles]. Ekaterinburg: UGGU Publ. 2007. 141 p. (In Russ.)

Nefyodov S.A. *O prichinakh russkoy revolyutsii* [About the Reasons of Russian Revolution]. — *O prichinakh russkoy revolyutsii*. Otv. red. L.E. Grinin, A.V. Korotayev, S.Yu. Malkov [About the Reasons of Russian Revolution. Ed by L.E. Grinin, A.V. Korotayev, S.Yu. Malkov]. Moscow: LKI/URSS. 2010. P. 25-60. (In Russ.)

O prichinakh russkoy revolyutsii. Pod red. L.E. Grinina, A.V. Korotayeva, S.Yu. Malkova [About the Reasons of Russian Revolution. Ed. by L.E. Grinin, A.V. Korotayev, S.Yu. Malkov]. Moscow: LKI/URSS. 2010. 432 p. (In Russ.)

Poberezhnikov I.V. *Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obschestvy: teoretiko-metodologicheskiye problemy modernizatsii* [The Transition from Traditional to Industrial Society: The Theoretical-Methodological Issues of Modernization]. Moscow: ROSSPEN. 2006. 240 p. (In Russ.)

Rossiya 1913 god. Statistiko-dokumental'nyy spravochnik [Russia, 1913. Statistical and Documentary Handbook]. Saint Petersburg: BLITZ. 1995. 415 p. (In Russ.)

Rueschemeyer D., Stephens E.H., Stephens J.D. *Capitalist Development and Democracy*. Chicago: University of Chicago Press. 1992. 398 p.

Sorokin P.A. *Sotsiologiya revolyutsii* [Sociology of Revolution]. — *Human. Community. Management*. Moscow: Politizdat. 1992. P. 266-294. (In Russ.)

Steinmann G., Komlos J. Population Growth and Economic Development in the Very Long Run: A Simulation Model of Three Revolutions. — *Mathematical Social Sciences*. 1998. No. 16. P. 49-63.

Steinmann G., Prskawetz A., Feichtinger G. A Model on the Escape from the Malthusian Trap. — *Journal of Population Economics*. 1998. No. 11. P. 535-550. DOI: <https://doi.org/10.1007/s001480050083>

Tocqueville A. de. *L'ancien regime et la revolution*. (Russ. ed.: Tocqueville A. de. *Staryy poryadok i revolyutsiya*. Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond. 1997. 252 p.)

Travin D., Marganiya O. *Evropeyskaya modernizatsiya* [European Modernization]. Moscow: AST. 2004. 672 p. (In Russ.)

Wood J.W. A Theory of Preindustrial Population Dynamics: Demography, Economy, and Well-Being in Malthusian Systems. — *Current Anthropology*. 1998. No. 39. P. 99-135. DOI: <https://doi.org/10.1086/204700>

Yakovlev A.I. *Ocherki modernizatsii stran Vostoka i Zapada v XIX-XX vekakh* [Sketches of Modernization of Eastern and Western Countries in the 19th and 20th Centuries]. Moscow: URSS. 2010. 504 p. (In Russ.)